

Несколько дней подряд ребята каждое утро поднимались в горы. Иногда им улыбалась удача, и они приносили домой сразу несколько мелких зверьков, а в неудачные дни — всего одного или двух. Радовало то, что, продвигаясь всё глубже в чащу, куда деревенские почти не заглядывали, они то и дело натывались на поваленные сухие стволы, сплошь усыпанные грибами и древесными ушками. Так что возвращаться с пустыми руками им не приходилось.

— Улов уже не тот, что в первый день, — вздохнул Гоудань. — Похоже, лесное зверье не глупее нас: почуяли опасность и стали обходить эти места стороной, будто чуют ловушки.

— В тайге выживает умнейший, и чем крупнее зверь, тем он хитрее, — отозвался Ван Сюань. — К тому же мы слишком часто здесь ходим. Как ни маскируй следы, а запах человека всё равно остаётся. У лесных обитателей нюх тонкий, их никакими целебными порошками до конца не обманешь.

Стоит зверю учуять чужака на своей территории, как он тут же настораживается и уходит глубоко в чащу. Именно поэтому охотники, расставив силки, стараются не задерживаться на одном месте, чтобы не оставлять густого человеческого духа.

За неделю в их пространственном кармане накопилось изрядное количество дичи, сушёных трав и грибов. Гоудань сбегал в снабженческо-сбытовой кооператив коммуны, принёс соли и сушёного перца чили. Ван Сюань резонно рассудил, что в уездной школе готовить будет некогда, поэтому мясо лучше сразу пустить на солонину, нарезать мелкими кубиками и завялить с острыми специями — так его и хранить проще, и есть удобнее. Постепенно припасов набралось столько, что унести всё на руках было бы непосильной задачей. К счастью, их выручало Сокровище, избавлявшее от лишних хлопот.

Узнав, что сын твёрдо намерен учиться в уезде, Ли Сы надолго замкнулся в себе. Его и без того суровое, иссечённое морщинами лицо стало ещё мрачнее. Время от времени он подолгу, хмуро смотрел в спину Ван Сюаню. Мальчишка, которого он приютил и вырастил как своего, уже совсем вытянулся, возмужал, а теперь вот собрался продолжать учёбу. Ли Сы понимал: поднять двоих учеников ему попросту не под силу.

Гоудань и Ван Сюань не раз пытались его успокоить. Они твердили, что отцовских денег не потребуется: обо всём договорились с благодетелем, который даёт им средства на учёбу в долг. Они запишут всё до последнего юаня, а когда вырастут и твёрдо встанут на ноги, обязательно всё вернут.

Однако Ли Сы потерял сон. Для крестьянина, всю жизнь прожившего честно и не задолжавшего никому ни единой монеты, бремя долга казалось неподъёмным. Он ночами ворочался с боку на бок, изнывая от страха, что сыновья погрязнут в долгах и до конца дней своих не смогут распрямить спину. Тревога грызла его сердце. Но когда он видел, как увлечённо Гоудань собирает вещи, как увлечённо обсуждает будущую учёбу, вертевшиеся на языке слова так и оставались невысказанными.

«Да ну её, эту учёбу!»

Он молча сглатывал их и уходил в работу.

В конце концов, думал он, какой из него отец? За всю жизнь он так и не смог обеспечить сыну сытой и безбедной доли. Что ж, придется ещё туже затянуть пояс, трудиться в поле до седьмого пота и урезать собственную пайку. Если ради будущего сына нужно поголодать — он вытерпит.

Ван Сюань в эти дни притих, сделался не по годам молчаливым и за любую домашнюю работу хватался в первую очередь. Гоудань, будучи парнем сообразительным, быстро уловил витавшее в доме напряжение. Вечером, когда они с отцом пошли мыться к речке, он подошёл к Ли Сы со спины и принялся усердно тереть ему плечи мочалкой.

— Отец, ты не кручинься, живи как раньше, — мягко заговорил Гоудань. — Сам же видишь, жизнь-то потихоньку налаживается. Прежде мы боялись лишней куст овощей посадить да лишнюю курицу завести, а сейчас полдеревни втихомолку огороды расширяет и птицу плодит. Раньше образованных людей на смех поднимали да гнобили, а нынче государство само молодым дорогу в университеты открывает, да ещё и стипендию с пайком даёт.

— Неужто ты не веришь, отец, что мы, как вырастем, живо все долги за учёбу вернём?

— Эх, да что тут скажешь... — тяжело вздохнул Ли Сы.

— Ну и говори всё как есть! Отец, мы ведь с А-Сюанем вместе едем. В городе люди городские, заносчивые, деревенских недолюбливают. А вдвоем нам никакие задиры не страшны, всегда спину друг другу прикроем. Разве не так?

Против этого Ли Сы возразить не мог. Настоящая правда: на войну идут отцом и сыном, на тигра охотятся с родным братом. И пускай малец из семьи Ван не был Гоуданю кровным братом, за эти годы он стал в их доме родным. Ли Сы всем сердцем верил, что А-Сюань никогда не окажется неблагодарным волчонком.

— Так что, отец, ты уж относись к нему так же, как ко мне, ладно? — тихо попросил Гоудань.

— Да разве ж я против? — проворчал отец. — Твой отец и сам бы рад быть добрым да щедрым, только силёнки не те, со всем один не справляюсь. Ладно уж, вырос ты, голова на плечах есть. Поступай как знаешь.

— Ну вот и ладно, — весело усмехнулся Гоудань. — Отец, а ты сам-то нас проводить поедешь?

— Отец Цичжи собирался везти ребят на попутной машине, — замялся Ли Сы. — Я подумал, если вы с ними уедете, то хоть на одного человека за проезд платить меньше придётся...

— Да брось ты, поезжай с нами! Тебе же самому спокойнее будет, когда своими глазами

увидишь, где мы жить и учиться станем. Иначе ведь весь изведёшься дома.

Ли Сы хотел было возразить, что можно дойти и пешком — он бы сам дотащил их нехитрые пожитки на коромысле, благо ходок он быстрый, за полдня уложились бы. Но тут же осекся. Другие деревенские дети поедут на автобусе, а его сын? Негоже, чтобы парень чувствовал себя обделенным, ведь он в своей жизни ещё ни разу в настоящей машине не сидел.

Последние дни перед отъездом мужчины провели в непрерывных хлопотах. Первым делом нужно было подготовить провизию: зерно, которое они везли с собой в школу в счёт оплаты пайка, требовалось тщательно перемолоть на мельнице.

Вскоре вся округа гудела о том, что Ли Сы отправляет обоих сыновей на учебу в уездную школу. Само по себе это событие не было чем-то из ряда вон выходящим — каждый год из деревни уезжал один-два подростка, чтобы поучиться там с полгода.

Однако положение семьи Ли знали все до единого. Каким образом бедняк Ли Сы ухитрился собрать в дорогу не только собственного единственного сына, но ещё и приёмыша? Этого односельчане решительно не понимали.

Особо сердобольные хватали Ли Сы за рукав и выговаривали прямо в лицо:

— Да ты умом, что ли, тронулся, старый? Выкормил чужого сироту, дал крышу над головой, до начальной школы дотянул — и так облагодетельствовал до небес! У нас родные отцы для своих детей столько не делают. Вон, посмотри вокруг, сколько парней в деревне и дня за партой не сидели, а ты последнего лишаешься ради чужого мальчишки!

Другие, напротив, хвалили Ли Сы за благородство, удивляясь, сколько широты души таится в этом нелюдимом, тихом крестьянине. Все в один голос твердили, что Ван Сюаню несказанно повезло встретить на своём пути такого совестливого человека. Останься парень со своим родным дядей Чэнь А-да, ему бы не то что грамоте учиться — выжить бы впроголодь не удалось.

Ли Сы лишь безмолвно открывал и закрывал рот, не зная, что ответить. Да и что тут скажешь? Объяснять всем, что сыновья взяли деньги в долг у городского покровителя и теперь по уши в обязательствах? Рассказывать, что в его собственном кармане нет ни гроша? Гоудань строго-настрого запретил болтать об этом, чтобы не плодить лишних сплетен. Раз нельзя говорить правду — лучше просто промолчать.

Впрочем, соседи шумели лишь от скуки, перебивая кости за вечерним чаем. В конце концов, дела Ли Сы оставались его личным делом, тем более что остальная родня из клана Ли демонстративно умыла руки, предпочитая со злорадным нетерпением ждать, когда незадачливый хозяин окончательно пойдёт по миру.

Кое-кто из деревенских принимался поучать самого Ван Сюаня, настойчиво напоминая, как

много для него сделал отчим, и предостерегая от чёрной неблагодарности. А-Сюань в ответ лишь послушно опускал голову или застенчиво улыбался, кивая на каждое слово и не произнося ни единого упрека. Но стоило ему остаться наедине с названным братом, как он тут же во всех красках пересказывал Гоуданю, кто именно и какими словами пытался наставить его на путь истинный.

Со временем разговоры сменили русло: теперь кумушки твердили, что Ли Сы совершил выгодный обмен. Поглядев на смышлёного и хваткого Ван Сюаня, все признавали, что мальчишка далеко пойдёт, а значит, старость его приемного отца будет сытой и спокойной.

Впрочем, досужие пересуды мало заботили маленькую семью — у них едва хватало времени на сборы.

Ван Сюань перемыл все домашние глиняные кадки с соленьями, выставил их сушиться под жаркие солнечные лучи, а затем аккуратно разложил закуски по небольшим баночкам. Задумка была простая: брать с собой в уезд по несколько штук на неделю, а на выходных привозить пустую тару обратно и наполнять заново.

Он подробно растолковал отчиму, в каком кувшине что хранится, чтобы тот, возвращаясь усталым с поля, мог быстро перекусить без лишней возни у печи.

— Эту солонину вы лучше заберите с собой, — вздохнул Ли Сы, поглядывая на ароматные мясные кусочки. — На учёбе силы нужны, изведётесь там на казённых харчах.

— Ни в коем случае, — покачал головой Ван Сюань. — Брат велел оставить это тебе, дядя. Гоудань теперь ставит отличные силки, так что на выходных мы обязательно выберемся в лес и принесём свежей дичи.

— Да, отец, А-Сюань прав, — поддакнул Гоудань. — Мясо долго не пролежит, испортится. Мы свою долю уже упаковали, так что не вздумай морить себя голодом. Выбрасывать еду — самый тяжкий грех.

Ли Сы не нашёл, что возразить сыну. Он прекрасно понимал, что мальчишки просто пытаются его накормить. Ван Сюань молча наблюдал за тем, как ловко названный брат водит отца за нос. Сам он прекрасно знал, что заготовленное им мясо благодаря особому рецепту могло храниться месяцами без всякого вреда. Но спорить не стал: если не прибегнуть к такой хитрости, Ли Сы действительно не прикоснётся к солонине, сберегая каждый кусочек для детей.

Тяжёлый крестьянский труд от зари до зари отнимал у пожилого мужчины последние силы. Когда они уедут в уезд, все заботы по дому и в поле лягут исключительно на его плечи. Без сытной мясной пищи Ли Сы быстро надорвётся, и тогда пиши пропало.

Гоудань отлично знал, на какие рычаги нужно надавить, чтобы упрямый отец уступил, и этого

было вполне достаточно.

В день, когда пришло время отправляться на регистрацию в школу, Ли Сы первым делом взвалил тяжелый мешок с зерном себе на плечи. Гоудань давно перерос отца и обладал недюжинной силой, но для Ли Сы он по-прежнему оставался хрупким ребёнком, который тяжелее учебника в руках ничего не держал.

Гоудань не стал спорить со стариком. Вместе с Ван Сюанем они разобрали оставшиеся вещи. Сборы вышли скромными: из одежды — всего по одной сменной паре штанов да рубаш, лёгкое старое одеяло на первое время (зимнее, потяжелее, они планировали привезти позже, ближе к заморозкам), туго свернутая домашняя циновка, деревянные тазы, вёдра и корзины для стирки, а также батарея банок с соленьями.

Всё это предназначалось исключительно для чужих глаз — основные запасы давно покоились в недрах их тайного Сокровища. Именно поэтому их ноша казалась куда более лёгкой и скромной по сравнению с пожитками других деревенских ребят.

Например, их приятель Цичжи тащил с собой огромный узел с тяжёлым ватным одеялом, которое родители настояли взять сразу. Семья у него была большая, зажиточная по деревенским меркам, поэтому и приданое для учёбы они собрали куда более основательное.

В этом году благодаря тому, что из дома Ли Сы в уезд отправлялись сразу двое, компания подобралась внушительная: четверо парней и одна девочка.

Единственной девчонкой среди них была дочка деревенского бухгалтера Чэнь — Чэнь Цинцзюань. В те годы мало кто из крестьян соглашался тратить деньги на среднее образование для дочерей, так что поступок бухгалтера заслуживал уважения. Взрослые, нагруженные узлами и мешками, спозаранку собрались на окраине деревни и не спеша двинулись к временной автобусной остановке у здания коммуны. Автобус в уезд ходил всего дважды в день — утром и после полудня. Компания твёрдо решила успеть на первый, утренний рейс.

Пока ждали транспорт, родители завели привычные напутственные разговоры. Наказы у всех были одинаковые: держаться вместе, помогать друг другу, в драки не ввязываться, учителей слушать беспрекословно и грызть гранит науки изо всех сил.

Подростки лишь переглядывались и согласно угукали. Цичжи и Дафу давно дружили с Гоуданем и Ван Сюанем, так что совместная поездка в город будоражила их воображение. Только Чэнь Цинцзюань держалась в стороне: девичьи разговоры мало вязались с шумной мальчишеской компанией.

Бухгалтер Чэнь отвел Гоуданя с приятелями в сторону и негромко попросил присматривать за его дочкой:

— Слышал я, что городские пижоны любят над нашими деревенскими насмехаться. Вы уж,

ребята, не лезьте на рожон, если кто косо посмотрит или слово обидное скажет. От пустой болтовни от вас не убудет, так что держите себя в руках, до драки дело не доводите. И главное — когда на выходные домой соберетесь, обязательно дождитесь мою Сяоцзюань, чтобы вместе идти. Вчетвером-то дорога веселее и безопаснее будет.

Цинцзюань была девушкой гордой и застенчивой, ей ужасно не нравилось, что отец просит за неё мальчишек. Однако мысль о жизни в далёком, чужом уездном городе вселяла в её душу робость. Из-за этого страха перед неизвестностью она предпочла промолчать, пока отец вёл переговоры. Пускай мать дома постоянно твердила держаться подальше от этих дворовых сорванцов, Цинцзюань знала их с самого детства. Ни Ли Кай, ни его друзья никогда не обижали девочек, так что в глубине души она была даже рада их компании.

<http://bllate.org/book/19654/1996731>